

**«Мы находимся в положении лодки, попавшей в водоворот...»
(по страницам Дневника Л.А. Тихомирова)**

Жизнь и мировоззрение Льва Александровича Тихомирова стали в последние годы предметом изучения со стороны многих отечественных исследователей¹. Его сочинения активно переиздаются и пользуются повышенным спросом². Возможно, это связано с тем, что Тихомиров был нетипичным консерваторм. Он родился 19 (31) января 1852 г. в семье военного врача в городе Геленджике. Уже в гимназии увлекся радикальными идеями, читал Писарева и «Русское слово». Окончив гимназию, учился в Московском университете – сначала на юридическом, затем на медицинском факультете. Став одним из активных участников народнического движения, осенью 1871 г. вошел в кружок «чайковцев». Через два года был арестован. Более 4-х лет провел в Петропавловской крепости и Доме предварительного заключения. В октябре 1877 г. проходил по знаменитому «процессу 193-х». Прожив некоторое время у родителей под административным надзором, Тихомиров покидает отчий дом и переходит на нелегальное положение. После раскола «Земли и воли» на «Черный передел» и «Народную волю» он примкнул к последней, став членом Исполнительного комитета, Распорядительной комиссии и редакции «Народной воли». Рано оторвавшись от семейного очага, о котором впоследствии часто вспоминал, Тихомиров так и не смог создать свой собственный дом в полном смысле этого слова.

Опасная революционная работа отнимала силы и время. Дружеские отношения, как правило, складывались только с теми, кому доверяли. У Тихомирова завязался роман с С.Л. Перовской, который едва не привел к браку. Но, выйдя из тюрьмы, Тихомиров постепенно отдался от старой знакомой, а тут еще судьба свела его с уроженкой города Орла, Екатериной Дмитриевной Сергеевой, входившей в Исполнительный комитет «Народной воли». Летом 1880 г. Тихомиров, воспользовавшись фальшивым паспортом, обвенчался с ней. Брак был не только официальным, но и закреплялся церковным обрядом венчания, на котором шафером был Н.К. Михайловский, а в числе приглашенных были: В.Н. Фигнер, А.И. Желябов и С.Л. Перовская. Впоследствии у Тихомирова родились два сына – Николай и Александр, и две дочери – Вера и Надежда.

После убийства Александра II народолюбцами и последовавшего за этим разгрома партии, в 1882 г. Тихомиров уехал в Швейцарию, в затем перебрался во Францию. За границу выехала и Екатерина Дмитриевна. Обосновавшись в Париже, Тихомиров продолжал заниматься революционной деятельностью. Именно за границей в его взглядах произошел перелом. Уехав из России революционером-нелегалом, он вернулся туда православным монархистом.

Помочь в реконструкции душевных метаний Тихомирова могут его записи. Дневники, относящиеся к промежутку времени с 1883 г. по октябрь 1917 г. хранятся в личном фонде Л.А. Тихомирова, который находится в Государственном архиве Российской Федерации (ф.634)³. Всего они составляют 27 единиц хранения. Дневники представляют собой уникальный материал для исследователей. Множество подробностей из жизни их автора, описание его размышлений, окружавшей его обстановки, – все это позволяет нам увидеть внутренний мир Тихомирова во всей его сложности и противоречивости. Некоторая часть его записей за 1883-1895 гг., и 1904-1906 гг. была опубликована в конце 20-х – начале 30-х гг.⁴

Обращаясь к Дневнику, мы видим, как с каждым месяцем росло отчаяние Тихомирова. Тяжкие думы усугублялись постоянным безденежьем, порождающим ссоры между супругами и болезнью сына (менингит). В 1884 г. одна за другой следуют записи: «Я еще никогда не был в таком настроении, близком к отчаянию. Будущее темно»; «Страшно за будущее! Иногда я спокоен и чувствую какое-то странное утешение, когда думаю, что одна

секунда, одно движение пальца может навсегда освободить от всякой гадости и тяжести. Но это редко. Я все еще боюсь смерти, и иногда хочется жить, безумно хочется. Вообще паскуднейшее состояние. Чем-то это кончится!»; «Все рушится кругом»⁵. 5 января 1888 г. Тихомиров записывает в Дневнике о радикальных революционерах: «Я, безусловно ничего общего с ними не имею, и просто начинаю ненавидеть то *бунтовское* направление и настроение, которые составляют существеннейшую подкладку нашего революционного движения»⁶. Задумываясь о будущем, он не видел впереди ничего хорошего: «Передо мною все чаще является предчувствие или, правильнее, *ощущение* конца. Вот, вот конец жизни <...> Я уже почти не имею времени что-нибудь создать: мне уже, - страшно сказать, - тридцать шесть лет, и я, видимо, дряхлею. Ужасно! Еще немного, - и конец, и ничего не сделано, и перед тобой нирвана. И сгнуться в бессмысленном изгнании, когда чувствуешь себя так глубоко *русским*, когда ценишь Россию даже в ее слабостях, когда видишь, что ее слабости вовсе не унизительны, а сила так величественна <...> Это ужасно, это возмутительно!» (12 июня 1888 г.)⁷. В том же году вышла брошюра Тихомирова «Почему я перестал быть революционером?», которая окончательно подвела черту под его прошлым. 12 сентября 1888 г. Тихомиров подал Александру III прошение с просьбой о помиловании. Он был прощен, и, вернувшись в Россию, развернул активную публицистическую деятельность, установив прочное сотрудничество с газетой «Московские ведомости». С годами Тихомиров становится одним из ведущих публицистов монархического лагеря, а с 1909 по 1913 гг. возглавляет «Московские ведомости». Помимо этого, Тихомиров был участником Предсоборного присутствия (1906 г.), занимавшегося подготовкой Поместного Собора Русской Православной Церкви; а с 1907 по 1911 год являлся консультантом П.А. Столыпина.

У многих публицистов консервативного лагеря карьера Тихомирова вызывала зависть – вчерашний изгой, гонимый революционер, вдруг становится известным правым публицистом, а потом и занимает пост редактора крупнейшей монархической газеты. Те, кто завидовал Тихомирову, не знали о его сомнениях, скрытых от посторонних глаз. Хотя Тихомиров и сумел завоевать доверие правительства, он не был доволен жизнью. Две проблемы, занимавшие его долгие годы, в полной мере нашли свое отражение в Дневнике. С одной стороны, он должен был обеспечивать семью, с другой – мучился от невозможности занять то положение в обществе, которое, как он считал, принадлежало ему по заслугам.

Вечная погоня за деньгами – вот судьба Тихомирова. 28 марта 1889 года он записывает: «Гроша нет буквально... Неудачная жизнь, неудачный человек! Смертный грех-отчаянье, ходит кругом меня, пронизывает меня неверием в себя, в будущее, в свое призвание. Чувствую, что это низко, недостойно, и не могу оживить себя. А мне 38 лет. Конец яснее и яснее вырисовывается там, с краю, к которому я уже ближе, чем к началу. Неужто все мечты, все иллюзии, все персть, все тлен, все осень <...> Веры нет. Кто поможет? Боже мой, где ты, дай мне ощутить себя!» (28 марта 1889 г.)⁸. В июне 1896 года он записал: «В какой-нибудь поганой республике, в Париже, если дают орден почетного легиона лавочникам, то дают и писателям. У нас же... будь ты хоть великим публицистом – хоть заслужи царю, как никто, - все останешься вне государства, вне его внимания. Это очень обидно, и не за себя, а за государство»⁹.

Тихомиров чувствовал необходимость иметь влиятельного покровителя: «Я не деловой человек, в делах денежных и вообще материальных чувствую себя детски-беспомощным, и когда они плохо идут, я впадаю в уныние. Может быть, но во всяком случае, мерзко, тяжело» (18 марта 1889 г.)¹⁰. Отсутствие деловой хватки – характерная черта многих русских консерваторов. Их патерналистские чаяния часто переносились и на личную жизнь. В отличие от своих предшественников - славянофилов и охранителей, они не имели никаких доходов с поместий, и, в отличие от своих либеральных современников, не могли вписаться в менявшиеся экономические отношения. Заботой Тихомирова становятся поиски постоянного и стабильного заработка. Он давно мечтал о службе. «Мне нужно *служить*... Да не будь я-я, не компрометируй меня служба в полиции – я бы м<ожет> <быть> предпочел полицию многим пунктам наблюдения. Но мне это не годится» - писал он О.А. Новиковой¹¹

еще 11 февраля 1890 г.¹². 14 сентября 1906 г. Тихомиров жаловался А.С. Суворину: «А вообще смертельно надоело писать. Зачем мне Господь не даст канцелярского места: это мечта моя. Но как все идеалы остается неосуществимой»¹³. Этим чаяниям соответствует и запись: «Мне бы лучшее лекарство было – иметь какую-нибудь верную пенсию» (16 декабря 1895 г.)¹⁴.

Тихомиров не верил в свои силы, и сомневался в силе самодержавной России. Еще 18 сентября 1889 г. он писал: «Я уже знаю, что сделать в общественном смысле мне ничего не удастся. Я уже понял, что Россия, при всей своей глупости, *во мне* все-таки не нуждается. Я понял, что мне нужно думать *о себе, о своей душе*, а затем исполнять текущие маленькие обязанности, которые еле-еле по силам мне, не мечтая о крупных... Очевидно, я всех разочаровал в себе»¹⁵. 13 апреля 1891 г. он констатировал: «Теперь у меня задача, которую я бы должен был исполнить, - она состоит не в том, чтобы что-нибудь сделать крупное, а в том, чтобы остаться маленьким, ничего крупного не делающим, а только исполняющим маленький ежедневный долг. Ужасно трудно это. Воспитался на стремлении к грандиозному»¹⁶. В 1892 году в Дневнике одна за другой последовали записи: «У самого на душе чернота. Живешь, живешь, и, кажется, будто хочешь и просишь, - и остаешься свинья свиной»; «Тяжко. Только и надежды, что на Бога, но велика ли она у меня? При моей грошовой вере?»; «Перелистал кое-какие страницы своего дневника за прошлые годы. Презамечательная дрянь я был всегда, и с тем остаюсь. Малодушие и мечтания о себе, - вот два постоянные качества»; «Сам тоже секунды не уверен в себе. Дела ненадежны. Заработки плохи. На душе пакость какая-то <...> Вообще, все кажется скверным, все огорчает»¹⁷.

Привыкнув за годы революционной деятельности и эмиграции к беспокойной жизни и неустроенности, Тихомиров, даже обрета службу и постоянное место жительства, так и не смог сделать уютной огромную квартиру на Петровке, выделенную ему как редактору правительственной газеты, «с громадным его кабинетом и еще более громадным холодным залом, где очень редко кто собирался, а когда собирались... было всегда скучно»¹⁸. Глубоко в душе Тихомиров мечтал о спокойствии. 17 мая 1895 он записал «Я мечтал основать семью, - чистую, крепкую, и больше ничего не хотел. Хочу денег, но немного, только для обеспечения, только для независимости семьи. И вот, хоть перервись, - ничего нет»¹⁹. Сравнивая жизнь своего друга, видного философа К.Н. Леонтьева со своей судьбой, Тихомиров пришел к выводу: «Ему полагается только одно: душу спасти. А мне - семью растить. И дальше, - ни шагу! ... Действительно, самолюбие мое подвергается таким образом самой чувствительной порке» (17 апреля 1891 г.)²⁰. Но тихая семейная жизнь была плохо несовместима с деятельностью Тихомирова. «Конечно, - отмечал Сергей Фудель (сын о. Иосифа Фуделя²¹) – Лев Александрович боролся непреклонно и страстно в книгах, статьях и выступлениях за тепло в мире, за сохранение этого уходящего из мира тепла, но не знал, что надо начинать с борьбы за тепло в собственном доме... Он воевал за то, что он понимал как христианскую государственность, и свою жизнь воспринимал как жизнь в окопах этой войны»²².

На «фронте» борьбы за христианскую государственность тоже не все было благополучно. В душе редактора монархической газеты назревало сомнение в дальнейших перспективах существования самодержавной России. Особенно раздражал Тихомирова безликий казенный патриотизм. 21 декабря 1905 года он писал А.С. Суворину: «Во всем более всего виновато правительство... Только полным незнанием, бездействием и трусостью властей объяснимо самое возникновение революции... наше правительство показало себя во всем бессилии гнилости. Нечто невообразимое и невозможное. С таким государством невозможно жить»²³. Видя вокруг себя непонимание, Тихомиров начал писать, обращаясь не столько к непонятливым современникам, сколько к потомкам надеясь, что его работы когда-нибудь найдут настоящего читателя. Эта надежда, прежде всего, относилась к его фундаментальному исследованию «Монархическая государственность»: «Боюсь, что все это академический труд. Наша Монархия так разрыхлилась, что Господь один знает, каковы ее судьбы... Главное – в обществе подорвана ее идея, да и самого общества-то нет. Все съел